

КОНСТИТУЦИОННЫЕ МОНАРХИСТЫ – ЭМИГРАНТЫ ВРЕМЕН ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ КОНЦА XVIII века

В. Ю. СЕРГИЕНКО

Новая и Новейшая история.
2003. № 5. С. 59-74.

Восемнадцатый век для Франции, как и для многих европейских стран, ознаменовался рождением новых политических, общественных, правовых идей, переоценкой нравственных норм и моральных правил. Начавшаяся в 1789 г. революция во многом способствовала развитию этого процесса и оказала немаловажное влияние на современников, совершив переворот в их сознании и подвергнув переосмыслению привычную систему представлений и ценностей. Революционные события стремительно меняли политическую жизнь страны, систему государственного управления, социальную структуру, судьбы и взгляды людей. Многие из них, даже поначалу принимавшие активное участие в революции в дальнейшем, не поддержали свершившихся изменений или не до конца приняли новую модель государственного устройства и были вынуждены искать убежища в других странах. Начался такой важный и все еще малоизученный процесс, как эмиграция.

Общее количество эмигрантов из Франции периода Революции оценивается историками примерно в 1 млн. человек. Причем большую часть составляли те, кто принадлежал к третьему сословию, около четверти – священники и менее 20 процентов – дворяне, среди которых были самые богатые и самые знатные^[1].

Эмигранты различались не только по своему социальному статусу, но и по политическим позициям. Среди них были как защитники существовавшего до революции Старого порядка, так и те, кто уже приобрел революционный опыт. Главными действующими лицами эмиграции, безусловно, являлись принцы – братья Людовика XVI – граф; Прованский, впоследствии Людовик XVIII, и граф Артуа, будущий Карл X. Бежав из Франции, они отправились в Пруссию, чтобы прибегнуть к помощи императора Фридриха III и собрать войска для вступления во Францию и реставрации Старого режима. Многие эмигранты, особенно после того, как Австрия и Пруссия в августе 1791 г. подписали Пильницкую Декларацию, направленную на поддержание монархического режима во Франции, посчитали своим долгом присоединиться к принцам и с оружием в руках защищать королевскую власть. Вокруг графа Прованского и графа Артуа стали образовываться эмигрантские центры. Первоначально основным таким центром был Кобленц (Пруссия), куда посылались секретные сообщения и донесения и откуда выступали военные отряды эмигрантов. Затем принцы ненадолго обосновались в небольшом городке Гаме в Вестфалии, и, наконец, в 1793 г., направились в итальянском городе Вероне, где им удалось создать так называемый Веронский двор, при котором были свои советники и министры и который получил известность во всей Европе.

Однако не все, кто покидал территорию Франции, следовали за братьями французского монарха. Многие предпочитали оставаться в Швейцарии, в Берне, городе также ставшем убежищем для большого количества эмигрантов. Некоторые уезжали в Голландию, Англию, Испанию, Португалию, Россию, туда, где могли бы рассчитывать на покровительство местных властей.

Зачастую, оказавшись в другой стране, они остались без средств к существованию, поскольку постановления революционного правительства лишили их жалованья и имущества. Положение эмигрантов усугублялось и тем, что все они согласно декрету, принятому в марте 1793 г., были объявлены изменниками, которым под страхом смертной казни запрещалось возвращаться на родину.

Эмиграция, бесспорно, имела своих идеологов, и одними из наиболее известных была группа конституционных монархистов, куда вошли такие политические и общественные деятели своей эпохи, как Ж.-Ж.Мунье, П.-В.Малуэ, Т.-Ж.Лалли-Толандаль, Ф.-Д.Монлозье и Ж.Малле дю Пан.

В период, предшествующий революции 1789 г., эти люди получили хорошее образование, прекрасно владели пером, разбирались в военных, политических, административных и правовых вопросах, литературе, философии, истории. Полученное воспитание, их личные качества, а также знатное происхождение (все, за исключением Мунье, который был сыном сукошника, являлись представителями старых дворянских родов) помогли им сделать хорошую карьеру и приобрести известность в политических кругах французского общества еще до революции. Накануне революционных событий Жан Жозеф Мунье занимал должность королевского судьи в Гренобле, и наряду с этим успешно занимался адвокатской практикой. В июле 1788 г. он был избран секретарем собрания трех сословий провинции Дофине и способствовал принятию резолюции, опротестовавшей действия королевских министров и требовавшей созыва Провинциальных штатов в Дофине и Генеральных штатов во всем королевстве с двойным представительством членов третьего сословия. После этого собрания, проходившего в замке Визиль, недалеко от Гренобля, имя Мунье стало известно по всей стране, а некоторые историки даже высказывали мнение о том, что именно с Визили началась Французская революция^[2].

Пьер Виктор Малуэ являлся тогда интендантом военно-морского флота в Тулоне, Трофим Жерар Лалли-Толандаль – балль (судебным чиновником) города Этампа, Франсуа Доминик Монлозье – литератором и писателем. Жак Малле дю Пан, швейцарец по происхождению, прославился как талантливый публицист, редактор нескольких изданий в Женеве, с 1781 по 1792 г. он возглавлял политический отдел парижского журнала «Меркюр де Франс».

В начале 1789 г. Мунье, Малуэ, Лалли-Толандаль были выбраны депутатами в Генеральные штаты, а Монлозье стал помощником депутата. Молодые, талантливые, энергичные, они олицетворяли людей, пришедших в Генеральные штаты с искренним желанием употребить накопленные знания и опыт на благо Франции, и почти

сразу же все они стали активными участниками политических дискуссий и видными деятелями Генеральных штатов и Учредительного собрания. Спустя несколько месяцев после открытия Генеральных штатов Мунье был секретарем, а позднее председателем собрания. Именно он в июне 1789 г., когда король приказал закрыть зал заседаний для представителей третьего сословия, предложил не расходиться до окончательной разработки Конституции. После этого знаменитого заседания, вошедшего в историю под названием клятвы в Зале для игры в мяч, депутаты от третьего сословия объявили себя единственными законными представителями французской нации, а Мунье приобрел еще большую известность.

Как и Мунье, Малуэ и Лалли-Толандаль входили в Конституционный комитет, и наряду с другими его участниками представляли доклады и принимали непосредственное участие в создании основополагающих документов революционной эпохи; именно тогда началось их сближение, положившее начало многолетней дружбе. Вместе с Монлозье и некоторыми другими депутатами они образовали небольшую группу конституционных монархистов, высказывавшихся за абсолютное королевское вето и отличавшихся от других сторонников королевской власти своей приверженностью английской модели государственного устройства, одним из важных признаков которой считалось наличие двухпалатного парламента. За этой группой, благодаря современникам, а потом – и историкам, прочно закрепилось название «monarchiens» (монархисты), применявшееся лишь по отношению к этим людям.

Малле дю Пан не был депутатом, но он оказывал всяческую поддержку своим единомышленникам, помещая на страницах редактируемого им журнала их речи и выступления, часто он давал свои комментарии и объяснял идеи группы «monarchiens», в основе которых лежала концепция сильной королевской власти, действующей в интересах нации.

В конце 1789 г. пути монархистов временно разошлись. После того, как проект будущей конституции, над которым работали Мунье и Лалли-Толандаль, был отклонен, его авторы вышли из состава Конституционного комитета, а потом и из Учредительного собрания. Разочарованный своей неудачей и дальнейшим развитием событий Лалли-Толандаль в конце 1789 г. эмигрировал в Швейцарию, Мунье через некоторое время последовал его примеру. Малуэ и Монлозье вплоть до конца 1791 г. оставались депутатами и участниками нескольких комитетов Учредительного собрания. Они вошли в число наиболее часто выступавших ораторов, затрагивавших в своих речах самые разнообразные аспекты: вопросы политические, экономические, финансовые, а также, связанные с военной доктриной и колониальной политикой. Малуэ в 1790 г. стал вдохновителем нескольких монархических клубов, созданных с целью объединения усилий сторонников монархического правления^[3].

Дальнейшая их судьба сложилась драматически. Начав свою политическую деятельность как активные сторонники революционных преобразований, Мунье, Малуэ и их единомышленники оказались после провозглашения республики в сентябре 1792 г. в лагере противников революции и с этого времени их жизнь была тесно связана с контрреволюционным и эмигрантским движением. В этом заключалась трагедия не только этой группы монархистов, но и многих других людей, стоявших у истоков революции и вынужденным из-за падения монархии, установления республиканского режима, казни Людовика XVI перейти в оппозицию.

В августе 1792 г., после того как требования привлечь к суду монарха за преступления против нации стали раздаваться все чаще, Лалли-Толандаль предпринял отчаянную попытку спасти своего короля. Он решил выступить в его защиту и вернуться во Францию, продемонстрировав тем самым безграничную преданность Людовику XVI. Усилия Лалли-Толандаль не увенчались успехом, он был арестован, однако незадолго до провозглашения республики ему удалось освободиться и уехать в Англию, где он жил по большей части на субсидии английского правительства.

В конце 1792 г. в Лондон направился и Малуэ, став специальным представителем колоннов острова Санто-Доминго и получив таким образом возможность обсуждать вопросы колониальной политики и международных отношений с английскими министрами. Спустя два года, приняв участие в выступлениях антифранцузской коалиции и побывав в Гамбурге, Дюссельдорфе и Брюсселе, к ним присоединился Монлозье, который оставил военную службу и вновь занялся писательской и публицистической деятельностью. На некоторое время в Лондон приехал и Мунье, но вскоре вместе с Малле дю Паном вновь обосновался в Швейцарии. В 1794 г. Мунье, не имея постоянного заработка, с готовностью принял предложение возглавить одно из образовательных учреждений германского города Веймара и занять место профессора философии, государственного права и истории.

Малле дю Пан долго не покидал Берна, и лишь в 1798 г. отправился в Лондон, где занимаясь изданием журнала «Меркюр Британик». Однако его основным убежищем на время эмиграции все же была Швейцария. Именно оттуда он посылал многочисленные письма и отчеты представителями дворов Австрии, Пруссии, Португалии, Сардинии. Это обстоятельство, хорошие денежные гонорары, а также наличие большого количества корреспондентов во Франции и в Европе, позволило некоторым историкам предположить, что Малле дю Пан являлся главой некой шпионской организации^[4]. Однако это еще предстоит выяснить.

С помощью многочисленных корреспондентов Малле дю Пану удавалось не только получать сведения из Франции, но и осуществлять обмен корреспонденцией, а также узнавать новости о родственниках своих друзей и единомышленников. Расстояние не являлось преградой для конституционных монархистов, так как между Лондоном и Берном существовала постоянная переписка, они по-прежнему продолжали обмениваться мнениями и обсуждать ситуацию, сложившуюся на международной арене.

При помощи писем и памфлетов Мунье, Малуэ и другие монархисты стремились воздействовать на английское правительство и европейскую общественность^[5], пытаясь объединить противников республики и противостоять установившемуся режиму, который они считали губительным для Франции. И в определенной степени им это удавалось. К примеру, один из памфлетов Малле дю Пана неоднократно цитировался на заседаниях английского парламента, а английский премьер-министр У.Питт-младший заявлял, что смог понять характер Французской революции только после прочтения этого произведения^[6]. Братья Людовика XVI также

доверяли мнению и суждению конституционных монархистов. В начале 1795 г. граф Прованский написал письмо Мунье как бывшему президенту Национального собрания, считая необходимым поделиться с ним своими стремлениями и замыслами. Граф Артуа отзывался о Малле дю Пана как об «умном, искреннем человеке с добрыми намерениями»^[7]. Таким образом, хотя конституционные монархисты и не являлись главными деятелями эмигрантского движения, но им удавалось в известной мере играть роль идеологов эмиграции. Они также представляли некое связующее звено между различными группами эмигрантов, способствуя координации их действий передаче необходимых сведений.

Идеологические и политические позиции Мунье, Малуэ и их единомышленников хорошо прослеживаются по их произведениям, посвященным не только осмыслению революции^[8], но и разработке основ будущего государственного устройства Франции, нашедшей отражение во многих письмах и памфлетах, хотя многие из них и не являлись политическими проектами в полном смысле этого слова. Памфлет Мунье, изданный в 1795 г.^[9], написан в форме литературного произведения, главные его герои – неопытный юноша и мудрый старец, в чьи уста автор вложил свои представления об идеальном государственном строе. Основное произведение Лалли-Толандаля периода эмиграции называлось «Защита французских эмигрантов, адресованная французскому народу»^[10] и имело целью восстановить справедливость по отношению к эмигрантам, показав их тяжелое положение, и попутно изложить некоторые политические и общественные идеи. Памфлеты Монлозье, письма и статьи Малле дю Пана посвящены главным образом рассмотрению обстановки внутри Франции и на международной арене, однако в них четко прослеживается позиция авторов по вопросу о структуре будущего государства и общества. И лишь произведение Малуэ под названием «Обзор наиболее подходящих средств для того, чтобы ускорить и упрочить восстановление монархии во Франции»^[11] и «Проект королевской Декларации»^[12], написанный Лалли-Толандалем и хранящийся в архиве Министерства иностранных дел Франции, являются именно неким политическим проектами.

Обращаясь к произведениям Мунье, Малуэ и других монархистов, следует также иметь в виду, что они лишены конкретных деталей и подробностей. Их авторы понимали, что в той ситуации подобные теоретические построения не могли быть применены практически, поэтому не писали о том, как именно будет функционировать тот или иной государственный механизм, а останавливались лишь на ключевых моментах, без которых, по их мнению, не сможет обойтись будущее государство. Для них было важно представить примерный эскиз, набросок будущей общественно-политической системы – альтернативы республиканскому правлению^[13].

До настоящего времени существует лишь небольшое количество исследований, в которых, так или иначе, затрагивались бы общественно-политические представления конституционных монархистов. Работа историка Р. Гриффитса^[14], посвященная главным образом деятельности монархистов в 1789-1792 гг., стала единственной попыткой синтеза их политических воззрений. Кроме того, в зарубежной историографии имеются работы, в которых рассматривается идеология участников контрреволюционного и эмигрантского движения, в частности Мунье, Малуэ и их единомышленников^[15]. В отечественной историографии отсутствие внимания к этой проблеме было обусловлено первостепенным интересом к революционным деятелям, особенно к якобинским лидерам, и ориентацией на реконструкцию их взглядов. Лишь в последнее время наметился определенный поворот к исследованию контрреволюционной и эмигрантской тематики того времени^[16].

И все же никто из историков специально не исследовал общественно-политические идеи конституционных монархистов периода эмиграции и не анализировал их взглядов с точки зрения того, что они унаследовали от революционной эпохи и опыта прошлых лет. Между тем подобный анализ дает возможность проследить одну из первых попыток синтеза Старого порядка и революции; по-иному взглянуть на политические построения революционной эпохи.

Сознавая, что полное восстановление прежнего режима невозможно – это было бы все равно, что «строить собор Святого Петра в Риме из дорожной пыли», и неэффективно, так как «нравы, привычки и сами люди уже не такие, как прежде»^[17], – конституционные монархисты высказывались за умеренную (*temprée*) или ограниченную (*limitée*)^[18] монархию. При этом они выражали свое негативное отношение к абсолютизму, не ссылаясь, однако, на какие-либо конкретные недостатки этого образа правления. Мунье писал: «По сравнению с теми несчастьями, которые выпали на долю французского государства, с тем ужасным положением, в которое оно было поставлено, даже абсолютный монарх будет казаться наградой»^[19].

Отстаивая тезис о необходимости ограничения королевской власти, Монлозье предупреждал об опасностях неограниченного правления, приводя пример из истории Древнего Рима: «После революционных потрясений, конечно же, необходимо избавиться от господства одного человека; осторожность побуждает нас ограничить власть августейшего монарха для того, чтобы она не стала такой, какой пользовался Тиберий»^[20]. Однако не вполне ясно, что именно побудило Монлозье сделать вывод о необходимости ограниченной монархии: правление короля до революции (тогда это единственное упоминание его негативном отношении к абсолютной монархии), либо же диктатура якобинцев, представлявшаяся ему примером «господства одного человека», видимо, Робеспьера?

При этом Монлозье продолжал твердо выступать за сохранение монархической формы правления, веря в ее жизнеспособность и желая ее скорейшего восстановления. Остальные монархисты были полностью с ним солидарны. «Никто не желает более сильно, чем мы, – писал Малле дю Пан, – возвращения монархии и монарха, без которого Франция будет свидетельницей новых волнений и несчастий; и «погрузитесь в еще большую анархию»^[21]. «Восстановление королевской власти во Франции стало бы вполне достойным выходом из сложившейся ситуации», – считал Малуэ, уверяя, что после этого «закончились бы все трудности»^[22]. Монлозье в

свою очереди добавлял, что «возвращение к ней будет благом и избавлением для всех»^[23].

Конституционные монархисты были убеждены, что только с установлением монархии (при определенных ограничениях королевской власти) во всей Европе и во Франции воцарятся мир и порядок и она превратится в процветающую страну^[14], значительно идеализируя тем самым монархическую форму правления, которая, словно по мановению волшебной палочки, избавила бы Францию от всех трудностей. Только королевская власть могла, по словам Лалли-Толандаля, обеспечить возвращение к цивилизации и законам, ибо «порядок и монархия – две вещи насколько схожие, что невозможно сделать один шаг к одному понятию, не приблизившись к другому»^[25].

Объясняя свою точку зрения, Мунье вопреки реальному существованию французской республики, утверждал, что «французское государство – слишком большое и густонаселенное для того, чтобы быть республикой», ведь «управление такой огромной страной с таким большим количеством населения требует быстрого принятия решений». Поэтому, «что бы ни предпринимали революционеры, они никогда не смогут достичь единства государства» и «объединить 24 млн. жителей под знаменами республики»^[26].

Интересно, что Монлозье объяснял необходимость монархического строя прежде всего климатическими условиями Франции, а также моральными характеристиками самих французов^[27]. «Вместе с монархией, – уверял он, – будет восстановлено священное правление, которое соответствует нашим нравам и нашему климату». «Оставим востоку те формы и те учреждения, продолжал он, – которые ему подходят; ни республика, ни деспотизм не могут существовать во Франции. Ее дух далек от этих двух крайностей, так же как и ее климат. Эти формы правления соответствуют жарким странам или странам с холодным климатом»^[28].

Причины, побуждавшие Мунье, Малуэ и их единомышленников высказываться за восстановление монархии, возможно, и в том, что, радуя за возвращение этой формы правления, они исходили не только из своих убеждений, но и из групповых и личных интересов. В их произведениях нередко встречаются упоминания о необходимости «восстановления справедливости в отношении ограбленных собственников» и возвращения эмигрантов на родину^[29]. Кроме того, монархия, существовавшая во Франции на протяжении многих веков, воспринималась конституционными монархистами как некий оплот стабильности. Разве они могли тогда предположить, что ни климат, ни большая плотность населения, ни обширная территория не помешают Франции оставаться республикой на протяжении 130 лет и превратиться в одну из самых демократических стран мира?

Рассуждая о необходимости возвращения к монархическим учреждениям, конституционные монархисты пытались выработать определенные политические проекты, отражающие их систему взглядов. Все они считали необходимым разработать основы государственного строя, при котором Франция станет могущественной и процветающей.

Первостепенное значение придавалось принципу представительного правления (*gouvernement représentatif*), так как только с его помощью, считал Малуэ, можно «обеспечить будущее трона, постоянство власти и настоящее процветание народам, которые смогут им воспользоваться»^[30]. Трудно определить, что привело Малуэ к подобному заключению: модные в годы революции идеи просветителей, его собственные убеждения, опыт участия в деятельности Генеральных штатов и Национального собрания или широкое распространение принципа представительного правления в Европе. Однако Малуэ не учитывал исторический опыт – наличие представительных учреждений вовсе не исключало ожесточенных внутривластных конфликтов.

Конституционные монархисты выделяли еще один, не менее важный, и также соответствующий концепциям просветителей принцип: сосуществование (но не разделение!) трех ставших уже тогда вполне традиционными ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной.

Законодательной властью, считали они, должен быть наделен король, имеющий наряду с другими полномочиями право принимать участие в законодательной деятельности и утверждать законы^[11]. Законодательными функциями наделялось и Национальное собрание, которое все они хотели видеть состоящим из двух палат. Именно эту идею Мунье, Малуэ и их единомышленники отстаивали еще в 1789 г., сделав основой своего конституционного проекта. Тот факт, что подобное предложение не нашло отклика со стороны депутатов Учредительного собрания, не заставил их переменить свои взгляды. Опыт самого первого в Европе английского представительного учреждения, в котором законодательная власть осуществлялась королем и двухпалатным парламентом, был для них образцом.

Мунье предупреждал об опасности предоставления Национальному собранию слишком широких полномочий. «Нельзя, чтобы судьба граждан, – писал он, – зависела от решений одного лишь собрания»^[32], что вполне соответствовало идее об ограничении полномочий: будь то монарха, или государственного учреждения. В отличие от остальных конституционных монархистов, Малуэ ограничивал обязанности Национального собрания консультативными функциями и утверждением бюджета. Он наделял Национальное собрание правом установления налогов и расходов, указывая при этом, что оно делегируется королем, как и правом «обсуждения новых законов, которые Его Величество посчитает нужным обнародовать»^[33]. Таким образом, Малуэ подтверждал свою приверженность английской модели парламента, которому принадлежало право установления налогов, а спор о королевской и парламентской прерогативах, послуживший одной из причин Английской революции 1640-1660 гг., разрешал в пользу короля. Видимо, во избежание возможных внутривластных столкновений, он предлагая четко разделить полномочия короля и парламента, превратив последний в зависимый от монарха институт власти, обладающий в основном законосовещательными функциями.

Система выборов в Национальное собрание наиболее подробно изложена Малуэ и Малле дю Паном. Последний ратовал за прямые выборы, которые, как он полагал, позволили бы людям «прямо и

без посредников выбирать своих представителей». Такую систему голосования он называл «национальными выборами» и был уверен, что она может обеспечить эффективное формирование институтов законодательной власти. Кроме того, эти выборы должны были гарантировать общественную свободу, поскольку сохранили бы за нацией право одобрять политику властей путем «переизбрания своих уполномоченных представителей»^[34]. Рассуждая о процедуре голосования, Малле дю Пан не делал различия между выборами в верхнюю и нижнюю палату собрания и, видимо, предполагал, что выборы в обе палаты должны проходить одинаково.

По-иному представлял себе порядок избрания депутатов Малуэ. Он высказывался за двухступенчатые выборы, по которым предусматривалось первоначально созвать в каждой провинции так называемое Провинциальное собрание (*Assemblée Provinciale*) и только потом из его депутатов направить представителей в столицу для образования общего собрания^[35]. По-видимому, Малуэ больше ориентировался на американский вариант избирательной системы, предполагающий формирование верхней палаты Конгресса из представителей от каждого штата. При этом он, так же как и Малле дю Пан, не указывал на отличие процедуры выборов в верхнюю и нижнюю палаты.

В вопросе об избирательном праве мнения всех конституционных монархистов совпадали. Они твердо высказывались за предоставление избирательного права лишь собственникам. «Нет сомнений в том, - писал Малуэ, - что это собрание (Провинциальное. - *B.C.*) должно состоять из собственников». Следовательно, и общая делегация, которая войдет в Национальное собрание, будет являться «депутацией собственников королевства»^[36].

Такое отношение к собственникам вполне понятно, ведь сами конституционные монархисты принадлежали к их числу. Именно эта категория населения представлялась им, как и многим политическим деятелям того времени, самой благонадежной, заинтересованной в поддержании мира и порядка. Мунье, Малуэ и их единомышленники отрицали возможность политического равенства, и поэтому принцип предоставления политических прав собственникам казался им вполне естественным. «Если невозможно поддерживать равенство состояний, то разве возможно установить равенство в политических правах?» - писал Мунье. Значит, «политическое равенство всех людей - это несбыточная мечта», и если попытаться ее осуществить, как это сделали якобинцы, то это приведет лишь к смене ролей, а не к уничтожению неравенства^[37]. Отменить «неравенство моральных характеристик» людей, их индивидуальные различия, т.е. физические и нравственные качества, присущие каждому человеку; а также разницу в «талантах, образовании, воспитании и положении, занимаемых в обществе»^[38] нельзя, считали Мунье и Малле дю Пан.

Лалли-Толандаль уточнял, что «политические права должны полностью принадлежать земельным собственникам»^[39]. Обосновывая свою точку зрения, он доказывал, что человек может быть тесно связан с государственными учреждениями «лишь с помощью того, что нельзя вывезти за пределы государства, т.е. собственности», очевидно, имея в виду недвижимость. Принцип превосходства земельных собственников над остальными, в соответствии с концепцией Лалли-Толандаль, был заложен и в самой природе. Ведь «для того, чтобы прожить, человек нуждается в земле, и земля нуждается в человеке для того, чтобы приносить урожай». Кроме того, отмечал он, верховная власть, действие законов, юрисдикция могли распространяться лишь на человека, находящегося на определенной территории. И, наконец, главный аргумент Лалли-Толандаль: земельная собственность является «как основой реального богатства, так и богатства несуществующего», поскольку именно она обеспечивает все виды кредита^[40].

Таким образом, принцип политического неравенства мотивировался как государственными интересами, так и природными законами. Однако его главное обоснование заключалось в главенствующем положении, которое занимала земельная собственность по отношению к другим видам собственности. На их существовании Лалли-Толандаль не акцентировал своего внимания. Наделяя политическими правами земельных собственников, конституционные монархисты признавали необходимость имущественного ценза для участия в выборах в Национальное собрание, но его размер не оговаривался.

Наряду с проблемой избирательного права их интересовали и вопросы законодательной деятельности, выраженной главным образом в законах, характеристике которых уделялось особое внимание, Малуэ и Мунье неоднократно указывали на то, что «в хорошо управляемом государстве должны; быть хорошие и справедливые законы»^[41].

Однако о критериях, согласно которым можно было бы отличить хороший закон от плохого, справедливый от несправедливого, ничего не говорилось. Но Лалли-Толандаль и Малуэ отмечали, что принцип справедливости законов должен гарантироваться в первую очередь личными качествами законодателя, которому следовало быть суровым и непреклонным^[42] и поступать по справедливости.

Следовательно, к обязанностям законодателя конституционные монархисты подходили исходя из нравственных критериев, оценивая главным образом его личные качества, а не профессиональные навыки. Законам монархисты также давали прежде всего моральную, а не социально-правовую характеристику, полагая, что без морали законы не могут существовать. Вместе с тем сами законы должны были регулировать мораль, устанавливая хорошие нравы и следить за их чистотой^[43]. Впрочем, Мунье, Малуэ и их единомышленники не забывали и о правовых функциях законов, упоминая, что законы должны защищать свободу граждан, их жизнь, а также их собственность^[44].

Малуэ и Мунье не отрицали важный принцип, который был провозглашен Декларацией прав человека и гражданина 1789 г. 10и до сих пор лежит в основе современного общества. Прежде всего должно соблюдаться «абсолютное равенство всех граждан перед законом», - писал Малуэ, не

не считавший, однако, что права граждан одинаковы. «Законы призваны защищать как могущественных и влиятельных, так и безвестных людей, не занимающих никаких высоких постов», – добавлял Мунье. Малуэ отмечал, что равенство граждан перед законом «оставляло за каждым свободу пользоваться правами и привилегиями», и, следовательно, в таком государстве не должно существовать угнетенных^[45].

По самому законодательному процессу мнения монархистов не совпадали. Мунье, описывая процесс законотворчества, указывал на необходимость осторожного отношения к изданию законов, чтобы их принятие не было поспешным, поскольку «опасность лишиться нескольких полезных законов несравнима с теми последствиями, которые повлекут за собой плохие постановления». Мунье не упоминал о процедуре голосования по законопроектам, однако выступал яростным критиком понимания закона как результата проявления воли большинства. По его мнению, такое понимание закона, отличавшее Руссо и некоторых якобинцев, привело к тяжелым для Франции последствиям^[46].

Малуэ и Малле дю Пан высказывали более конкретные соображения. Причем, если Малуэ признавал право принятия законов за королем, а за Национальным собранием – право их обсуждения^[47], то Малле дю Пан считал, что необходимо предоставить самим людям определять свои законы путем прямых выборов в представительное собрание. «В свободных государствах, – писал он, – непосредственно сам народ или его значительная часть голосует в собрании избирателей за утверждение законов»^[48]. Иными словами, Малле дю Пан склонялся к мысли о законе как о воле большинства, выраженной голосованием.

Большое внимание конституционные монархисты уделяли и исполнительной власти, основным носителем которой, согласно их представлениям, должен быть король, обладавший полномочиями в области законодательного процесса и призванный осуществлять руководство государственной политикой. Он считается «августейшим носителем суверенитета», «пользуется неприкосновенностью и не подлежит ответственности». Лишь законный король способен придать исполнительной власти единство и стабильность, олицетворять силу и могущество государства; ведь только с помощью королевской власти можно объединить такую большую страну, как Франция, и обеспечить быстрое принятие решений^[49]. В этом высказывании, принадлежащем Мунье, прослеживается не только мысль о наделении короля широкими полномочиями, но и стремление к централизации государства, проведение политики в котором зависело бы главным образом от монарха и поэтому там осуществлялось бы четкое управление.

Мысль о могуществе и влиянии короля, как справедливо отмечал Гриффитс, являлась одной из основных для конституционных монархистов^[50]. Малуэ и Лалли-Толандаль тоже указывали на то, что монарх должен наделяться сильной властью и большим количеством полномочий, необходимых для эффективного выполнения своих обязанностей^[51]. Круг этих обязанностей Мунье, Малуэ и их единомышленники определяли широко. Самая главная из них – обеспечение свободы и безопасности своих подданных, защита их прав путем «наказания злоупотреблений и преступлений»^[52], а на это способен только сильный монарх, поэтому «великая нация»^[53], чтобы быть свободной, нуждается в могущественном короле»^[53].

По мнению Мунье, король может распоряжаться «политической свободой» граждан, но они не должны об этом сожалеть, так как монарх призван защищать их личную свободу и делать все возможное, чтобы они не жаловались на отсутствие свободы политической^[54]. Иными словами, речь шла о своего рода общественном договоре – распространенной идее многих просветителей.

Помимо всех этих обязанностей король должен уважать законы, проявлять милосердие к слабым, вершить справедливый суд, предупреждать развращенность общественного мнения, стремиться к уменьшению расходов государства. Ему надлежало также следить за поддержанием порядка в стране, не создавать своими действиями угрозу для общественной свободы и не присваивать чужие полномочия^[55].

Устанавливая границы королевских полномочий, за которые монарху выходить не следовало, конституционные монархисты не отрицали, что его действия могут нанести кому-либо вред, но считали, что «если власти монарха и причинит какие-нибудь неудобства, то это не идет ни в какое сравнение с ужасами народной тирании»^[56].

При осуществлении своих полномочий король, согласно мнению Малуэ, должен опираться на судей, представителей местных властей и Провинциальное собрание. Все эти должностные лица и члены Провинциального собрания должны стать первыми представителями королевской власти и, видимо, нести ответственность за проведение в жизнь решений монарха, хотя в проекте Малуэ их обязанности точно не оговаривались. Указывалось лишь одно: все они непременно должны быть независимыми собственниками, поскольку только им может быть предоставлено право участвовать во власти, без жалования за выполнение своих служебных функций^[57].

Выдвигая эту идею, во многом заимствованную из системы английского государственного устройства, Малуэ высказывался за учреждение большого количества неоплачиваемых должностей, что, по его мнению, позволило бы создать «простую, экономичную и эффективную администрацию»^[58], расходы на содержание которой сводились бы только к самому необходимому. В подобном предложении прослеживаются определенные децентрализаторские тенденции: отстаивая интересы местных властей и выступая против вмешательства в их деятельность королевских чиновников Малуэ, по существу, вновь предлагал взять за образец Англию XVI-XVIII в. и частично вернуться к системе управления, существовавшей во Франции до реформ Людовика XIV.

Рассуждая о структуре местных органов власти, Малуэ настаивал на том, что в каждой провинции непременно должен существовать корпус конной милиции, куда могли быть приняты все собственники данной области, способные служить в этой жандармерии, и муниципальные советы, также состоящие из собственников. Кроме того, считал он, необходимо на их основе сформировать «институт присяжных», деятельность которых не

должна оплачиваться. Лишь королевские интенданты и прокуроры в судах и администрациях, а также военачальники могли рассчитывать на оплату своего труда^[59]. Таким образом, Малуэ в очередной раз устанавливал имущественный ценз, необходимый для участия во власти: будь то Национальное собрание либо местные учреждения.

В его идеях о создании «экономичной администрации» можно увидеть отголосок реформ по сокращению государственных расходов, которые пытались осуществить королевские министры незадолго до революции, и все же нельзя воспринимать эти высказывания в качестве призыва действовать в духе «министерского реформизма», как писал Гриффитс^[60]. Администрация, предлагаемая Малуэ, не являлась частью центрального правительства, не финансировалась королем; при этом она обладала некоторыми исполнительными полномочиями, основная часть которых должна была принадлежать монарху.

При осуществлении функций защиты граждан и поддержании порядка в стране основным помощником короля должна была стать армия. В рассуждениях Малуэ относительно будущей организации армии выделяется мысль о необходимости «всеобщего переустройства и чистки в армии». Главным принципом этого переустройства называлось сохранение некоторых черт революционной армии. «Надо избавиться от недостатков и сохранить преимущества этой организации», – писал Малуэ. К преимуществам он относил быстрое продвижение к высшим должностям, что, по его мнению, привносило «больше гармонии, больше общего интереса во все корпуса и воинские части», т.е. заинтересовывало и сближало солдат и офицеров. Он выступал также и за принудительный набор, который имея место при Директории и являлся, с его точки зрения, «очень ценным установлением, если привести туда некоторые изменения»^[61].

Еще одним важным принципом военной организации Малуэ считая наличие в армии священников, которые, по его словам, должны быть «не только добродетельными, но и умелыми, способными соединять религиозные взгляды с политическими»^[62]. Следовательно, предполагалось использовать священников в качестве своего рода политических комиссаров, чья деятельность была бы направлена на превращение армии в опору будущего монархического режима.

Уделяя большое внимание законодательной и исполнительной власти, конституционные монархисты почти не останавливались на рассмотрении судебных учреждений, лишь отмечая само существование судебной ветви власти. В их произведениях встречаются только отдельные упоминания о необходимости существования судебных институтов^[63], которые понимались как учреждения, где господствуют справедливость и мораль. При этом сами судьи должны были отличаться «чистотой помыслов, личной незаинтересованностью, возвышенной душой и твердым, но отзывчивым характером»^[64].

За исключением Малуэ, никто из конституционных монархистов не писал о принципах формирования судебных институтов и их структуре, а также о ведении процесса судопроизводства. В то же время отдельные высказывания монархистов позволяют определить позицию по вопросу о судебных функциях и их исполнителях. Мунье предлагал общую идею, согласно которой король был призван вершить справедливый суд^[65], и, таким образом, передавал королю осуществление определенных судебных полномочий. Малуэ, считавший, что монарх должен стоять во главе судебной системы^[66], был более конкретен. В противоположность этому Лалли-Толандаль отстаивал независимость судебной власти и никак не связывал ее с королем. Он указывал на то, что эта ветвь власти наряду с законодательной и исполнительной была предназначена защищать собственность граждан, их жизнь и их свободу^[67], т.е. иметь в отношении граждан те же самые цели, что и остальные ветви. Стало быть, Лалли-Толандаль одинаково определял их общее направление и моральную характеристику. Его идеи имели больше сходства не с английским, а с американским вариантом судебной системы, где судебная власть рассматривается как отдельная, самостоятельная сфера. Поэтому можно назвать позицию Лалли-Толандалья по этому вопросу более либеральной и в большей степени соответствующей теории разделения властей и принципам современного общества, чем у других конституционных монархистов.

Сам процесс судопроизводства, согласно Малуэ, предусматривал институт присяжных, формировавшийся исключительно из представителей местных органов власти и только на безвозмездной основе. С помощью этой меры он предполагал сделать новую судебную систему «более экономичной и более подходящей; для тогдашнего состояния Франции»^[68].

Проблема о взаимоотношениях между тремя ветвями власти затронута лишь в произведениях Мунье, который был убежден в том, что при хорошем государственном устройстве неукоснительно должно соблюдаться «равновесие властей» которое не зависит ни от климата, ни от географического положения страны. В целом Мунье проявлял себя сторонником идеи Монтескье о необходимости разделения властей^[69], но подчеркивал, что равновесие властей является основой правления «во все времена, во всех странах, вне зависимости от влияния климата». Этому положению Мунье придавал особое значение, считая, что без него свобода в государствах недостижима. «Если эти три власти, – писал он, – уравновешивают друг друга, а не находятся в постоянной борьбе, то тогда мы имеем свободное правление»^[70].

Все конституционные монархисты считали необходимым установление некоторых общественных прав и свобод: свободы слова, печати, вероисповедания; особенно подчеркивали право на безопасность, собственность и личную свободу^[71], но, за исключением Мунье, не останавливались на вопросе, являются ли эти права естественными или социальными.

Конституционные монархисты предполагали у членов общества наличие не только прав, но и обязанностей, главная из них состояла в подчинении законам и неукоснительном их соблюдении. Помимо этого любой человек должен был проявлять доброту и вежливость в отношении с властями, с уважением относиться к другим людям и к их имуществу^[72]. Причем, надо было не только уважать другого, добавлял Лалли-Толандаль, но и заботиться о нем. Ведь забота о «безопасности одного человека является всеобщей обязанностью»^[73], – писал он в духе руссоистских концепций.

О состоянии французского общества и его структуре наиболее подробно писал Малуэ. В первую очередь его интересовали дворяне, к которым он сам принадлежал, они должны были обладать привилегиями и землей, так как «если лишить дворянство земли и привилегий, земля останется без защиты перед жадностью бедняков»^[74]. В этих словах чувствуется тревога за земельную собственность, конфискованную у эмигрантов в ходе революции, и страх перед новыми революционными потрясениями. Поэтому миссия дворян, добрые намерения которых не вызвали сомнений у Малуэ, заключалась в защите земельной собственности.

Важную роль в обществе Малуэ отводил духовенству, полагая, что ему следует пользоваться большим влиянием в государстве. Тем более, что некоторые священники «отличались во время революции благородным поведением и преподали великие примеры добропорядочности».

Представители третьего сословия, буржуа, торговцы, юристы, могли возвыситься над своим классом, избрав «карьеру муниципальных служащих». Переходя к низким сословиям, Малуэ писал главным образом о фермерах^[75], никак не выделяя собственное крестьян и сельскохозяйственных рабочих.

В отличие от многих других авторов он особо останавливался на положении женщин и детей. В будущем государства, по его мнению, они были зависимы от главы семьи и подчинялись его решениям. Вмешательство женщин в политику автор проекта считал совершенно недопустимым. «А женщины, – писал он, – должны, наконец-то понять, что разговоры о политике – не в их компетенции»^[76].

Описание общественных групп у Малуэ, демонстрирует его приверженность сословной иерархии, но в то же время понимание того, что социальная структура не является неподвижной, ибо статус представителей некоторых сословий может меняться. Малуэ настаивал на «уменьшении числа высших отличий и чинов», так как, с его точки зрения было бы «опасно понапрасну тревожить тщеславие низших классов», поскольку унижение ненавидят везде. В этих словах чувствуется определенная, хоть и нечетко выраженная, тенденция к сглаживанию социальных противоречий.

Главным принципом социальной политики будущего государства, по мнению конституционных монархистов, должна была стать поддержка и защита слоя собственников. При этом не забывалось и о других социальных группах, к примеру, Мунье наряду с защитой собственников высказывался и за то, чтобы государство «заботилось о бедных, предоставляло им работу и оказывало всяческую помощь», т.е. обеспечивало населению определенные социальные гарантии. Малуэ же уделял большое внимание так называемой «реформе нравов», поясняя, что «если не принять во внимание силу нравственных качеств, и не сделать нравы основой реставрации, то могущество трона и алтаря будет поддерживаться только с помощью террора».

Для предлагаемой реформы он высказывал несколько важных положений, и прежде всего о принятии хороших законов. Ведь «хорошие нравы, – считал он, – устанавливаются посредством хороших законов». К другому предложению Малуэ привели размышления над понятием морали, в которое он включал «умонастроения, господствующие в каждой семье, в каждой корпорации, в каждом сословии», иными словами, ментальность различных социальных групп. Исходя из этого, он выдвигал идею об «установлении принципа, общего для различных классов и различных интересов». Этим принципом была любовь к общему благу, именно это правило Малуэ предлагал взять за основу морального воспитания общества и писал, что вышеназванный принцип основывался на другом, который присущ от природы всем людям и который, нужно лишь развивать в правильном направлении, это – «любовь к самому себе»^[79].

Идеи Малуэ о достижении общего блага некоторым образом перекликаются с Декларацией прав человека и гражданина 1789 г., где утверждалось, что «притязания граждан» должны быть «устремлены к соблюдению конституции и всеобщему благополучию»^[80].

Конкретное же применение своих идей Малуэ видел в том, чтобы добродетельные люди могли иметь доступ к общественным должностям и пользоваться почетом, порочные же, напротив, быть лишенными всякого влияния. «В тот день, – писал он, – когда будет признано, что аморальный, порочный, жадный, жестокий человек не может претендовать ни на почести, ни на участие во власти, во Франции появятся нравы»^[81]. По существу, Малуэ выступал за назначение на должности не только по профессиональным навыкам, а исходя из нравственных характеристик человека, не упоминая при этом о критериях подобного отбора.

С точки зрения конституционных монархистов, государство должно; включить в свою социальную политику и заботу о моральном воспитании нации, прививая своим подданным некие правила нравственности. Каковы же были эти правила? В широком спектре необходимых нравственных ценностей Мунье, Малуэ и их единомышленники выделяли религию, которую считали неотъемлемой частью жизни общества, а также высоко ценили добродетель, «веру в клятвы и обещания», правдивость, честность, порядочность, смелость и честь, доброту и справедливость^[82]. Иными словами, они предполагали наличие в обществе определенного нравственного фундамента и давали морально-нравственное обоснование государству.

Высказывания конституционных монархистов хотя и содержат некоторые расхождения по отдельным вопросам, все же позволяют говорить об общей системе их взглядов и политических построений. Многие идеи монархисты почерпнули из общественной мысли прошлых столетий и из теорий просветителей. Рассуждения о необходимости монархического строя во многом перекликались с идеями Руссо и Монтескье, английских просветителей, Гоббса и Локка, и к тому же были сходны с воззрениями других политических деятелей периода революции, таких как Мадам де Сталь и аббат Сийес, также высказывавшихся за ограничение монархии,

представительное правление, гарантию собственности.

Программа Мунье, Малуэ и их единомышленников могла служить основой для примирения широких слоев общества. Она вобрала в себя не только черты Старого порядка и английского конституционализма, но и некоторые принципы новых революционных преобразований, в частности принцип «абсолютного равенства всех» перед законом, признание политических прав и свобод в обществе, необходимость выборных представительных учреждений на основе имущественного ценза, учреждение института присяжных заседателей. Идеи находившихся в эмиграции конституционных монархистов могли стать и действительно стали составной частью идеологии послереволюционной эпохи, которая нашла свое воплощение в Хартии 1814 г., признававшей конституционное правление во Франции и принятой при реставрации Бурбонов. Эмигранты могли считать Реставрацию своей победой и те из них, кому удалось дожить до этого момента, были востребованы при новом режиме. Монлозье стал известным писателем, защищавшим, как и прежде королевскую власть, Лалли-Толандаль был принят во Французскую академию и получил титул пэра Франции.

[1] *Soboul A.* Dictionnaire historique de la Révolution française. Paris, 1989, p.410.

[2] См. например: *Egret J.* La Révolution des Notables. Mounier et les Monarchiens. 1789, Paris, 1950.

[3] О деятельности Клуба друзей монархической конституции и участии в нём Малуэ см.: *Griffiths R.* Le center perdu. Malouet et les monarchiens dans la Révolution française. Grenoble, 1988.

[4] *Godechot J.* La contre-révolution. Doctrine et action. 1789-1804. Paris, 1961, p.88-89.

[5] *Lebon A.* L'Angleterre et l'émigration française de 1794 à 1801. Paris, 1892, p.2-24 ; *Sayous A.* Memoires et correspondance de Mallet du Pan. Paris, 1851; *Descoste F.* La Révolution française. Vue de l'étranger. Tous, 1897; *Mitchell H.* The underground war against the Revolutionary France. Oxford, 1965. p.50-52.

[6] *Bernard M.* Mallet du Pan and the French revolution. London, 1901, p104-105.

[7] *Sayous A.* Op.cit, v.2. p.152.

[8] На эту тему см.: *Сергиенко В.Ю.* Французская революция глазами конституционных монархистов (Опыт эмиграции). Французский Ежегодник 2001. М., 2001, с.187-200.

[9] *Mounier J.J.* Adolphe ou principes élémentaires de politique et les résultats les plus criels de l'expérience. London, 1795.

[10] *Lally-Tollendal T.J.* Défense de émigrés français adressé au peuple français. London, 1797.

[11] *Malouet P.V.* Aperçu des moyens =es plus propres à accélérer et à consolider le rétablissement de la monarchie en France. Malouet. Actes du Colloque. Riom, 1990, p.162-202.

[12] Projet de la Déclaration Royale par Lally-Tollendal (1795). Archives du Ministère des Affaires Etrangères, Fond Bourbon. v.588, fol.390.

[13] Малуэ так охарактеризовал цели своей работы: «Указать на первые трудности, которые следует преодолеть, способы и общие меры, которые следует предпринять». - *Malouet P.V.* Aperçu... p.183.

[14] *Griffiths R.* Op.cit.

[15] См., например: *Baldensperger F.* Les mouvement des idées dans l'emigration française. P., 1924; *Godechot J.* Op.cit.; *Gengembre G.* La contre-révolution ou l'histoire désespérante. Paris, 1989; *Tulard J.* La contre-révolution. Origines, histoire, postérité. Paris, 1990.

[16] См., например, статью *Ростиславлева Д.А.* Людовик XVIII и политическая программа французской эмиграции (по материалам АВПРИ). Французский ежегодник 2000, М., 2000. с.176-201.

[17] *Sayous A.* Op.cit, v.2, p.142; *Malouet P.V.* Aperçu... p.64.

[18] *Mounier J.J.* Adolphe... p.96; *Malouet P.V.* Lettres à Mallet du Pan. - Mémoires de M. Malouet publiés par son petit fils le baron Malouet. v1. Paris, 1874, p.409.

[19] *Mounier J.J.* Adolphe... p.166.

[20] *Montlosier F.D.* Des effets de la violence et de la modération dans les affaires de France. London, 1796, p.25.

[21] *Mallet du Pan J.* Mercure Britannique ou Notices historiques et critiques sur les affaires du temps. v.5. Paris, 1800, p.115 ; Idem. Correspondance inédite avec la cour de Viene. 1794-1798. t.4. Paris, 1884, p.211.

[22] *Malouet P.V.* Lettres à Mallet du Pan... p.410, 418.

[23] *Montlosier F.D.* Vues sommaires sur des moyens de paix pour la France et pour l'Europe. London, 1796, p.54.

[24] *Montlosier F.D.* Des effets de la violence... p.41, 54; P.V. Lettres à Mallyt du Pan... p.409; *Mallet du Pan J.* Correspondance inédit... p.312; *Mounier J.J.* Adolphe... p.165.

[25] Projet de la Déclaration Royale... fol.398.

[26] *Mounier J.J.* Adolphe... p.165.

[27] *Montlosier F.D.* Des effets de la violence... p.42.

[28] Ibid. p.25.

[29] *Lally-Tollendal T.G.* Défense des émigrés... p.50,134,186; *Montlosier F.D.* Vues sommaires... p.34. *Malouet P.V.* Aperçu... p168.

[30] *Malouet P.V.* Aperçu... p.164.

[31] *Mounier J.J.* Adolphe... p.102; *Malouet P.V.* Aperçue... p.165.

[32] *Mounier J.J.* Adolphe... p.122.

- [33] *Malouet P.V.* Aperçue... p.165.
- [34] *Mallet du Pan J.* Mercure Britannique... v.4. p.484.
- [35] *Malouet P.V.* Aperçue... p.165.
- [36] *Ibid.* P.165.
- [37] *Mounier J.J.* Adolphe... p.23.
- [38] *Ibid.* P.81-82; *Mallet du Pan J.* Correspondance politique... p.15.
- [39] *Lally-Tollendal T.G.* Défense des émigrés... p.240. [40] *Ibid.* p.241, 243.
- [41] *Mounier J.J.* Adolphe... p.126.
- [42] *Lally-Tollendal T.G.* Défense des émigrés... p.240 ; *Malouet P.V.*Aperçu.... p.179.
- [43] *Malouet P.V.* Aperçu... p.178 ; *Lally-Tollendal T.G.* Défense des émigrés... p.239.
- [44] *Malouet P.V.* Aperçu... p.98; *Lally-Tollendal T.G.* Défense des émigrés... P.132, 239; *Mallet du Pan J.* Mercure Britannique... v.4. p.483; *Montlosier F.D.* Vues sommaires... p.33.
- [45] *Malouet P.V.* Aperçu... p.81; *Mounier J.J.* Adolphe... p.126.
- [46] *Mounier J.J.* Adolphe... p.124-125.
- [47] *Malouet P.V.* Aperçu... p.165.
- [48] *Mallet du Pan J.* Mercure Britannique... v.4. p.489.
- [49] *Ibid.* p.489 ; *Mounier J.J.* Adolphe... p.164-165.
- [50] *Griffiths R.* Op.cit, p.89.
- [51] *Malouet P.V.* La voix du sage. p.11; *Lally-Tollendal T.G.* Mémoires au roi de Prusse pour réclamer la liberté de Lafayette. Paris, 1795, p.23.
- [52] *Mounier J.J.* Adolphe... p.136; *Mallet du Pan J.* Mercure Britannique... v.4. p.483; *Malouet P.V.* Aperçu... p.164.
- [53] *Lally-Tollendal T.G.* Mémoires... p.11.
- [54] *Mounier J.J.* Adolphe... p.93.
- [55] *Mounier J.J.* Adolphe... p.90,138 ; *Mallet du Pan J.* Correspondance politique... p.45.
- [56] *Mounier J.J.* Adolphe... p.90-91.
- [57] *Malouet P.V.* Aperçu... p.166-167.
- [58] *Ibid.* P.165.
- [59] *Ibid.* P.167-168.
- [60] *Griffiths R.* Op.cit. P.234.
- [61] *Malouet P.V.* Aperçu... p.181-182.
- [62] *Ibid.* P. 182.
- [63] *Mallet du Pan J.* Correspondance politique... P.36; *Montlosier F.D.* Vues sommaires... P.17-18.
- [64] *Ibid.* P.179-180.
- [65] *Mounier J.J.* Adolphe... p.89.
- [66] *Malouet P.V.* Aperçu... p.165-166.
- [67] *Lally-Tollendal T.G.* Défense des émigrés... p.19, 132. [68] *Malouet P.V.* Aperçu... p.168.
- [69] «Различные власти, – писал Монтескьё, – могли бы взаимно сдерживать и уравновешивать друг друга». (См.: *Монтескьё Ш.* Указ.соч, с.290).
- [70] *Mounier J.J.* Adolphe.... p.98-99.
- [71] *Ibid.* P.165; *Mallet du Pan J.* Mercure Britannique... v.4. p.483; *Lally-Tollendal T.G.* Défense des émigrés... p.13, 327; *Montlosier F.D.* Vues sommaires... p.33; *Malouet P.V.* Aperçu... p.165.
- [72] *Malouet P.V.* Lettres de M.Malouet à M.S.D., membre du Parlement sur l'intérêt des Colonies de l'Amérique. London,1797, p.26; *Mounier J.J.* Adolphe... p.86, 88; *Lally-Tollendal T.G.* Défense des émigrés... p.337.
- [73] *Ibid.* p.21.
- [74] *Malouet P.V.* Aperçu... p.167.
- [75] *Ibid.* p.166-167, 175.
- [76] *Ibid.* p.182-183.
- [77] *Ibid.* p.192.
- [78] *Mounier J.J.* Adolphe... P.34.
- [79] *Malouet P.V.* Aperçu... p.178.
- [80] Конституция 3 сентября 1791 г. - Документы Великой французской революции. т.1. М., 1990, с.112.
- [81] *Malouet P.V.* Aperçu... p.179.
- [82] *Ibid.* p.166, 178; *Lally-Tollendal T.G.* Défense des émigrés... p.376; *Mallet du Pan J.* Correspondance inédite... p.384 ; *Montlosier F.D.* Vues sommaires... p.33.